

Почему мы некритичны? Авторитет ложный и истинный

Начну историей из жизни.

Собрание дачного кооператива по поводу покупки электрического трансформатора общественного пользования. Встает одна из дачниц:

– И зачем мы его купили? По телевизору выступал министр энергетики и сказал, что до тридцати пяти трансформатор необязателен.

Отвечает инициатор покупки (кстати, инженер-электрик, в жизни – главный инженер предприятия):

– Простите, тридцати пяти чего?

Пауза и решительный ответ:

– До тридцати пяти!

– Чего тридцати пяти? Килограммов, домов, лет?

– Не знаю, но министр сказал – до тридцати пяти не обязательно.

– Извините, – осторожно продолжает инженер-электрик, – вы по профессии кто?

– Преподаватель фортепиано!

– А я – главный энергетик, и что такое «тридцать пять» – хоть убейте, не понимаю.

– Но министр сказал: до тридцати пяти не обязательно...

Вот она, крайняя степень неразвитости критического мышления. Героиня истории (действительно совершенно реальной) в принципе не осознает того, что происходит. Она не слышит вопросов и аргументов собеседника и упорно гнет свою линию, несмотря на явную абсурдность ситуации. По телевизору говорили, значит, осмыслять не обязательно. Возможно, что-то она и слышала, только вот забыла, как именно это звучало.

В народе это очень точно называется: «слышал звон да не знает, где он». И ладно бы она высказывала свое мнение, пусть безграмотно. Проблема в том, что своего мнения у нее как раз и нет, ведь его надо формировать на основе отобранной информации в ходе ее анализа и критической оценки. Гораздо лучше взять что-нибудь готовое и желательно «авторитетное». А какой у нас сейчас главный авторитет? Конечно, телевизор. Свято место пусто не бывает! Чужое мнение принимается за собственное, заполняя пустоту там, где у нормального взрослого человека должны быть проработанная система ценностей и гибкий механизм мышления с развитой критичностью.

Неумение оценивать информацию работает в обе стороны, принимая то форму слепого доверия, то воинственного неприятия всего, что исходит от источника, «недостаточно авторитетного». Вот и наша героиня продолжает настаивать на своем, даже когда ей с очевидностью указали на заблуждение. (Как же – министр сказал! И нечего мне тут голову морочить дурацкими вопросами!) Кроме того, безапелляционность героини может отчасти формироваться и поддерживаться ее профессиональной принадлежностью. Многим педагогам свойственна гипертрофированная «уверенность в себе», зачастую переходящая разумные пределы.

Непререкаемость собственного мнения, привычка руководить зачастую перерастают в черту личности и проявляются далеко за пределами профессиональной сферы. Право учить, воспитывать, направлять тех, кто младше и уже в силу возраста неопытнее, в

сочетании с обязательной ответственностью за воспитываемого формируют обманчивую убежденность в собственной непогрешимости всегда и во всем. Это закрепляет человека в сильно акцентированной роли «Родителя», и вот уже он начинает во всех окружающих видеть «чад неразумных». Причем такой человек склонен не только навязывать свое мнение тем, кого считает менее сведущими, нижестоящими и т.д. Он и сам столь же естественно подчиняется вышестоящим или тем, кого считает авторитетами (и даже идентифицирует себя с ними, как в приведенной истории, – выступает как бы голосом авторитета).

Нечто подобное мы видим в другой истории. Мать хочет отреставрировать старые фотографии и просит дочь обработать их на компьютере. Дочь: «Ладно, давай сюда свои дагерротипы!» Мать немедленно кидается в атаку: «Ты мне не умничай, манеру взяла, в глаза мне своей образованностью колоть. Нос задираешь, а посуда не мыта!»

Ситуация во многом сходная. Дочь – «нижестоящая», по мнению матери, не проявляет к ней достаточного почтения, поскольку употребляет незнакомые «слишком умные» слова и вообще посягает на мудрость «Яйца курицу не учат». Безапелляционность и авторитаризм в данном случае растут на той же питательной среде – ложно понятой роли «Родителя», которая может разыгрываться в отношениях «родители/дети», «учителя/ученики», «начальники/подчиненные» в одном и том же ключе: «Я главное (сильнее, старше и т. д.), значит, по определению умнее». Так совершается распространенная ошибка, когда устанавливается прямая связь между превосходством в возрасте (образовании, положении, а иногда и жизненном опыте) и превосходством в мудрости.

А ведь это не всегда справедливо. Ведь важно не только то, сколько времени человек жил на свете, но и как он жил – насколько «качественной» (разнообразной, наполненной, а главное, осмысленной) была его жизнь. Двадцать лет жизни одного человека порой могут стоить сорока и даже шестидесяти, прожитых другим человеком «по инерции», потому что он успел больше увидеть, испытать, пережить. Более того, жизненный опыт не есть простая сумма жизненных впечатлений. Важно и то, насколько эти впечатления были восприняты, переработаны, усвоены, оценены. Какие выводы были сделаны. Лишь тогда они лягут в копилку личности.

Между тем в реальности этот факт редко осознается, что проявляется во всех межличностных взаимодействиях, способствующих занятию позиции «Родителя». Мы готовы поверить любой чепухе «из телевизора» или от «тети Нюры», но ни за что, ни при каких обстоятельствах не признаем, что «нижестоящий» (по возрасту или

социальному положению) может реально чему-то нас научить. Как будто это признание выбьет из-под нас колченогий табурет нашей уверенности в своем авторитете!

Именно подсознательная боязнь за свой авторитет предопределяет еще одну общую черту описанных транзакций – враждебность обеих героинь. В социальных взаимодействиях это обычно выражается фразами типа: «Не пытайтесь меня запутать своими наводящими вопросами!» В семейных все грубее и проще: «Сопля зеленая, больно умная стала!»

А ведь с этого и начинается формирование некритичности. Если родители навязывают свой авторитет как незыблемый, в детях постепенно воспитывается привычка не подвергать сомнению все, что исходит «сверху». Позже место родителей занимают педагоги, правительство, у кого-то «наука», а у кого-то Бог – либо жестокий и карающий, либо закрывающий глаза на шалости «деточки», но в обоих случаях фигура Бога будет играть неконструктивную роль.

И, наконец, самый страшный авторитет – неписанные законы общества, которые вдалбливаются с горшка и воспринимаются личностью как плод собственного мыслетворчества. При непредвзятом рассмотрении и критическом анализе весьма многие из них докажут свою абсурдность. И главное – уже никто не помнит, откуда они взялись. Но как раз непредвзятости и критичности нам обычно и не хватает, так что непредвзятого анализа можно не опасаться.

Все это выводит нас на более широкую проблематику – о картине мира, то есть о том, каким человек видит мир и себя в нем. Но об этом – в следующей статье.

Автор - **Александр Смирнов**

[Источник](#)